

дедушка, выражая понятия, как раз и передают, кроме того, разные эмоциональные тона, оттенки, обладают, как говорят, определенной выразительностью. Поэтому можно было бы называть их «словами эмоционального тона» или закрепить за ними распространённое название «экспрессивные слова»; однако термин «эмоциональные слова» здесь оказывается неподходящим, поскольку так называют слова типа *радость*.

Слова типа *дедушка* образуются посредством особых суффиксов; в нашем случае *дедушка* образовано от слова *дед* посредством суффикса *-ушк-а*. Подобным образом образуется *голосочек* от *голос*, *водичка* от *вода*, *рифмишка* (Маяковский) от *рифма* и т. д.¹

В чешском языке, наряду с эмоционально окрашенными именами существительными и прилагательными, существуют также глаголы эмоционального тона, образованные посредством особых суффиксов. Примером может служить глагол *spinkat* «баиньки», образованный при помощи суффикса *-inkat* от глагола *spát* «спать». Употребляется он в «детской» речи с оттенком нежности, ласки.

У слов типа *дедушка* связь между эмоциональной сферой и сферой познавательной выступает совершенно ясно. Эти слова, в отличие от эмоциональных слов типа *радость*, прямо выражают, именуя тот предмет или явление, познание которого является источником эмоции. Это видно из их сравнения с нейтральными в эмоциональном отношении словами типа *дед*. Средством выражения эмоционального тона являются здесь производящие суффиксы. Можно сказать, что слова типа *дедушка* представляют собой суффиксальные образования эмоционального тона к соответствующим неэмоциональным словам.

Встречаются и непрямые слова с эмоциональной окраской: *башка*, *разиня*, *жрат*, *дрыхнуть*, *переться* и т. п. В чешском языке это, например, слово *chrnět* «дрыгнуть», которое означает то же, что *spát*, но с оттенком неодобрения, недовольства. Можно сказать, что слова типа *chrnět* являются экспрессивными синонимами к соответствующим неэмоциональным словам типа *спать*.

Естественно, что каждое слово в определенных условиях может приобрести определенный эмоциональный оттенок. Но языковеды в первую очередь интересуют, конечно, такие слова, у которых эмоциональный тон проявляется или всегда, или часто, т. е. такие, которые образуют лексическую, или грамматическую, или же лексико-грамматическую категорию. На слова факультативно-экспрессивные обращает внимание стилистика при разборе отдельных языковых высказываний. Языковедение изучает также и слова, у которых наблюдается потеря эмоционального тона или превращение неэмоционального значения в экспрессивное.

4. У слов, выражающих волю, связь воли с мышлением проявляется подобным же двояким образом, как и у слов, выражающих чувство. Слова типа *желание*, *влечение*, *воля*, *нужно*, *хотеть* и т. п. выражают понятия, содержанием которых является волевой процесс; их можно было бы называть волевыми словами. Наряду с ними существуют императивные глагольные формы типа *бери*, четко выражающие понятие действия («брать»), в котором проявляется или к которому относится волевой процесс. Такие слова можно назвать словами волевого тона.

5. Мы пришли к заключению, что каждое слово выражает понятие и что не существует слов, которые имели бы только значение, но не выражали бы понятия. Это относится, конечно, к настоящим словам, которые входят в словарный состав языка, а не к мнимым, остающимся за его пределами².

Положение о непосредственной связи языка с мышлением ни в коем случае не означает невозможности для языка выражать словами чувства и волю, так как слова выражают чувства и волю лишь в связи с понятием, причем понятийное содержание является здесь основным, ведущим элементом.

Фр. Травничек

О ПРИМЕНЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В СИНТАКСИСЕ

Даже при самом внешнем знакомстве с современным состоянием и предшествующим развитием сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков бросается в глаза, что вопросы синтаксиса разрабатывались и разрабатываются в ней

¹ См.: «Современный русский язык. Морфология», [М.], 1952, стр. 122—124 (§§ 28—30), 204—206 (§§ 34—36); «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 266—273 (§§ 439—461), стр. 363—365 (§§ 602—604).

² Имеются случаи, когда слово теряет свое собственное понятийное значение, но при этом оно теряет и характер самостоятельного слова и становится суффиксом (*нибудь—кто-нибудь*), префиксом (*ни—никто*), или сочетается с другим словом в одно целое, обладающее новым понятийным значением (*да — да здравствует*), приобретая характер описательной частицы.

слабее, чем вопросы фонетики и морфологии. По мнению некоторых лингвистов, подобное положение является результатом неправильного использования сравнительно-исторического метода буржуазными учеными¹, а сами по себе приемы сравнительно-исторического исследования, применяемые в фонетике и морфологии, вполне приложимы и к синтаксису². Согласно другой точке зрения, отставание сравнительно-исторического изучения синтаксиса индоевропейских языков обусловлено самой природой сравнительно-исторического метода и представляет собой, таким образом, недостаток объективного порядка³.

Развернутое сравнение указанных точек зрения, аргументированное предпочтение одной из них и анализ на конкретном материале тех возможностей исследования, которые с ней связаны, являются, по видимому, предварительным условием, без выполнения которого нельзя приступить к преодолению теперешнего отставания сравнительно-исторического синтаксиса.

Основы методики сравнительно-исторических исследований и вопросы синтаксиса

Представляется неоспоримым, что из двух изложенных выше точек зрения вторая правильна, а первая — нет. Вся методика сравнительно-исторических исследований покоится на двух краеугольных положениях — на соответствии (или тождестве) звуков и звуковых комплексов одного языка звукам и звуковым комплексам другого, родственного языка и на немотивированном характере этих соответствий. Оба эти положения неоднократно излагались и обосновывались в нашей языковедческой литературе последних лет и вряд ли нуждаются в дополнительных разъяснениях. Именно они придают принципам сравнительно-исторического метода и его основным достижениям в области фонетики и морфологии характер очевидной истинны; без них он практически перестает существовать. Между тем, как мы постараемся показать, оба эти принципа — соответствие (или тождество) языковых фактов и его немотивированный характер — утрачивают свой смысл в области синтаксиса, в связи с чем и сам метод становится не приложимым к этой сфере языка.

1. Неправомерность применения при сравнительно-историческом изучении синтаксиса понятий «соответствие» или «тождество» (имея в виду обычные значения этих терминов) вытекает из следующих обстоятельств.

Тождество в структуре двух или нескольких синтаксических конструкций еще никак не гарантирует тождества в их значении. Между тем определенная конструкция может быть признана именно данным, а не каким-либо иным синтаксическим фактом только на основе учета ее значения. Поэтому (пока речь идет о синтаксисе) группа одинаковых форм не может рассматриваться как ряд точных соответствий, дающих надежную опору для сравнения.

На первый взгляд такие формы, как англ. *I have read*, франц. *j'ai lu*, рум. *am citit* и нем. *ich habe gelesen*, представляются тождественными. Но англ. *I have read* обозначает действие, связанное так или иначе с моментом речи; в этом плане оно противопоставляется простому претериту *I read*, указывающему на действие, целиком отнесенное в прошлое и не связанное с настоящим. Франц. *je l'ai lu* в современной разговорной речи объединяет в себе значения и perfectum praesens (англ. *I have read*), и perfectum historicum (англ. *I read*); противопоставление сложного прошедшего и формы претерита *je le lis* приобретает в этих условиях главным образом стилистическое значение и соответствие между франц. *j'ai lu* и его английским аналогом оказывается весьма приблизительным. Румынское сложное прошедшее имеет в разных областях страны разное значение, но ни одно из них не совпадает, по видимому, со значением сходных форм в английском и французском. На севере и западе Румынии оно является практически единственным прошедшим временем, принятым в разговорном языке, и тем самым значительно более широким по своей семантике, чем соответствующие формы других языков. В тех же диалектальных районах, в которых форма *am citit* противопоставляется в устной речи простому претериту *citi* (Валахия, Олтения, юго-восток Трансильвании), это противопоставление опирается уже на различия во вре-

¹ См., например, В. Г. Адмони, О некоторых закономерностях развития синтаксического строя, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», вып. V, М., 1953, стр. 33.

² «Необходимо применить к синтаксису ту самую методику исследования, которая уже привела к значительным успехам в области этимологии, фонетики и морфологии», — писал В. Дельбрюк (В. De l b r ü c k, Vergleichende Syntax der indogerm. Sprachen, Teil I, Strassburg, 1893, стр. 1).

³ См., например: С. Б. Бернштейн, Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков», ВЯ, 1954, № 2, стр. 50—53; А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, ВЯ, 1952, № 4, стр. 9, 10, 16.

менном интервале между действием и моментом речи — весьма кратком в *citi*, более длительном в *am citii*. Наконец, нем. *ich habe gelesen* сохраняет свое собственно перфектное значение, соответствующее англ. *I have read*, только в литературной речи и на севере Германии, а в южнонемецких и части среднемецких говоров эта форма, включив в себя значение претерита, приблизилась к весьма широкому значению севернорум. *am citii*. Учитывая такого рода факты, вряд ли возможно признать данные структурно тождественные формы соответствующими друг другу в сравнительном плане и строить на их сравнении какие-либо выводы относительно генетически исконной конструкции и ее значения.

Тем самым становится ясной и невозможность установления в области синтаксиса таких же точных и доказательных соответствий, как в фонетике и морфологии, в связи с различиями в механизме языкового развития этих сфер. В фонетике и морфологии в каждый данный момент каждый подлежащий сравнению материальный элемент представляет собой вполне ясную и определенную величину, образовавшуюся из другой, столь же ясной, и переходящую в третью, столь же определенную. Если некоторый материальный элемент был или стал иным, то он входит в иной ряд сопоставлений, но он никогда в принципе не может быть одновременно и данным звуком, и другим, или ни тем и ни другим, а чем-то промежуточным¹. Между тем в синтаксисе мы находим как раз только такие «промежуточные» величины, ибо развитие здесь происходит путем постепенной эволюции, в ходе которой старое и новое значения сосуществуют, и определить точно, имеем ли мы дело в данный отраженный в памятнике момент со старым значением формы, предполагающим один ряд сопоставлений, или с новым, входящим в иной аналогический ряд, бывает объективно невозможно.

Насколько известно, во всех древних индоевропейских языках отмечены составные сказуемые с глагольными связками. Если применить к этому синтаксическому явлению ту методику, которая используется при сравнительно-исторических исследованиях по фонетике и морфологии, то, казалось бы, можно получить вполне надежные выводы о составном сказуемом языка-основы. В действительности, однако, положение оказывается иным. Связки в указанных сказуемых древних языков в одних случаях сильно грамматикализованы, в других — более или менее сохраняют свое лексическое значение. Установить в таких связках точное соотношение лексического и грамматического значений, определить, к чему они ближе — к глагольному сказуемому с предикативным атрибутом или к составному сказуемому, далеко не всегда возможно. А если так, то сравнение этих сказуемых в древних языках не даст возможности определять характер сказуемостных отношений в языке-основе и утратит всякую строгость, ибо в определении самой природы сравниваемых фактов оказываются неизбежными произвол и субъективность; не ясно, что в значении соответствующих глаголов еще сохранилось от старого и что уже является новым. Разбирая сказуемые этого типа, В. Дельбрюк усматривал в их связках преобладание абстрактно-грамматического значения уже в древнейших памятниках; поэтому он и считал характерным для индоевропейского языка подлинными именными сказуемые со всецело грамматикализованными связками, вроде *быть* и т. п.² Исходя из аналогичного материала, А. А. Потобня пришел к прямо противоположным выводам по этому вопросу. Акцентируя в древних связках полноту их лексического содержания, он считал исконной формой составного сказуемого глагольные сказуемые с предикативным атрибутом, а в «формально обособленной копуле» видел гораздо более позднее явление³. Противоречие это, как бы его ни разрешать, не может быть всецело объяснено субъективными факторами; оно порождено тем, что сравнительно-исторический метод не соответствует сравниваемому в данном случае материалу.

Сомнение в возможности делать какие-либо выводы при сравнении двух синтаксических конструкций может возникнуть также из-за неполноты в их формальном соответствии друг другу. Вот пример. Как известно, в языке Гомера будущее действие может выражаться сочетанием глагола движения с причастием будущего времени: εἴμ' ὀφόμενῃ (Ил. XIV, 205). В латинском языке иногда встречаются в значении будущего времени сочетания тех же глаголов движения с супином; так, у Плавта (Aul. 736, трохейский септенарий): *quam ob rem ita faceres meque meosque Perditum ires liberos*. Даже если отвлечься от того, что оба эти выражения — скорее всего, параллельные инновации, сложившиеся в каждом языке самостоятельно, возникает вопрос: можно ли строить на сопоставлении самой формы этих конструкций какие-либо выводы об использовании глаголов движения с неличными формами в языковом состоянии, пред-

¹ Мы здесь отвлекаемся, разумеется, от постепенных сдвигов в артикуляции, предшествующих фонологическим изменениям; как известно, сравнительно-исторический метод учитывает только последние.

² В. Дельбрюк, указ. соч., Teil III, Strassburg, 1900, стр. 22.

³ См. А. А. Потобня, Из записок по русской грамматике, 1874: т. I — Воронеж; т. II — Харьков.

пешествовавшем греческому и латинскому? Сопоставимые перед нами конструкции, или нет? Сопоставимы ли они, кроме того, со сходными оборотами в новых языках? Ср. франц. *je vais l'écrire*, словацк. (диал.) *idu pisat* и англ. *I am going to write it*, где с глаголом движения сочетается уже не причастие и не супин, а инфинитив. Нельзя отрицать, что все приведенные конструкции, древние и новые, очень схожи, что сопоставление их напрашивается само собой и даже может показаться весьма убедительным. В работах по сравнительной грамматике такие сравнения встречаются нередко. И в то же время нельзя отрицать и другого, что все эти соответствия приблизительны и не могут гарантировать той точности, строгости и обоснованности выводов, которую обеспечивают соответствия фонем и морфологических элементов.

2. Не менее решающим, чем соответствие материальных элементов родственных языков, для сравнительно-исторических исследований является немотивированный характер этих соответствий. Анализ показывает, что этот последний принцип так же нарушается в области синтаксиса, как и предыдущий.

Совпадение в оформлении, например, 3-го лица мн. числа глаголов (ср. санскр. *s-ant-i* «суть», греч. *ἴδο-ντι* «дают», лат. *ama-nt* «любят», готск. *baīra-nd* «несут», др.-слав. *всѣхъ* и т. д. бесспорно свидетельствует о происхождении этого формата из одного источника, ибо в самом значении 3-го лица мн. числа ничто не указывает на необходимость оформления его именно этими звуками, а не другими, и, следовательно, прийти к такому оформлению логическим путем, самостоятельно в каждом языке невозможно. Напротив, наличие, например, во всех древних индоевропейских языках у одной и той же причастной формы трех функций — атрибутивной, аппозитивной (*participium coniunctum*) и абсолютной не дает никаких оснований считать, что в языке-основе причастие использовалось в тех же самых функциях, так как каждая из них могла возникнуть самостоятельно в данном языке на определенном этапе его развития.

Как известно, явления этого последнего типа носят название параллельных инноваций. Они в принципе нехарактерны для морфологии и, если встречаются в ней, то в порядке исключения¹; поэтому сравнительно-исторический метод здесь дает вполне надежные результаты. В синтаксисе же, где связь явлений языка с развитием мышления носит гораздо более непосредственный и тесный характер, подавляющее большинство совпадений может быть объяснено как параллельные инновации. (Ср. совпадение в нормах употребления артиклей в ряде языков, сходное использование форм наклонения для выражения зависимости одного предложения от другого, превращение одиночных глагольных перифраз во многих языках в аналитические формы залога или времени и т. д.) Поэтому сравнительно-исторический метод здесь неприменим.

3. Регулярные совпадения материальных элементов в родственных языках доказывают общность происхождения последних еще и потому, что совпадения такого рода не могут быть объяснены заимствованием. В фонетике и морфологии заимствование практически исключено. В лексике, правда, оно встречается часто, но в этой области мы располагаем критерием для отличения заимствованных слов и не рискуем поэтому построить какие-либо выводы генетического порядка на недоказательном материале: в заимствованных словах не будут выдержаны исторические законы фонетических соответствий между языком, из которого слово взято, и тем, в который оно вошло.

В синтаксисе заимствования в принципе допустимы. Правда, они встречаются не часто, но сама их возможность лишает сравнительно-исторические построения в этой области их обычной определенности и доказательности, ибо заимствования не могут быть здесь выявлены так же четко, как в лексике. Было бы ошибочным, например, делать какие-либо выводы генетического порядка из совпадения инверсионной формы вопросительных предложений во французском и немелком языках, ибо данная форма была заимствована первым из германских языков; наличие конструкции с так называемым вводным подлежащим в английском и французском языках ничего не добавляет к нашим сведениям об их родстве и не проливает никакого света на происхождение самой конструкции, так как скорее всего она была самостоятельно заимствована обоими этими языками из кельтских.

Из сказанного ясно, что принадлежность синтаксиса к числу так называемых «проницаемых» сфер языка тоже исключает возможность применения к нему выработанных до настоящего времени сравнительно-исторических приемов исследования. Мы видим, таким образом, что: 1) понятие соответствия (или тождества) фактов одного языка фактам другого, вне которого немислим сравнительно-исторический метод, в области синтаксиса в большинстве случаев становится расплывчатым и мало доказательным; 2) немотивированный характер соответствий в области синтаксиса также не сохраняется; 3) заимствования, исключенные в фонетике и морфологии и легко выявляемые в лексике, в синтаксисе возможны, однако природа их как заимствованных да-

¹ Ср., например, мнение А. Мейе об оформлении женского рода суффиксом *-a* как о параллельной инновации (А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, перевод с франц., М.—Л., 1938, стр. 292).

леко не всегда может быть установлена. В связи со всем этим сравнительно-исторический метод в его традиционном виде не может быть непосредственно применен в области синтаксиса и во всяком случае не может претендовать в этой сфере на ту точность и достоверность выводов, которые он обеспечивает в фонетике и морфологии. Из сказанного вытекает, между прочим, одно следствие, которое важно учитывать.

Сравнительная грамматика, как мы видели выше, обладает разработанной методикой только для изучения материальных элементов как таковых. Значение их, с точки зрения этой методики, отходит, как и нормы построения предложений и словосочетаний, к той сфере языка, на которую сравнительно-исторические приемы не распространяются. Поэтому при практической работе демаркационная линия между морфологией и синтаксисом оказывается смещенной. К первой отходят факты, выявляемые традиционным сравнительно-историческим методом, т. е. формы слов, непосредственно выраженные в звуках; ко второму — не только предложения и конструкции, но и значения форм. Именно так понималось (и, как видим, с известным основанием) соотношение морфологии и синтаксиса в сравнительно-историческом языкознании в прошлом. Это объясняет, почему в данной работе анализируются не только предложения и конструкции, но и значения отдельных форм. Само собой разумеется, что такое понимание соотношения морфологии и синтаксиса возможно и целесообразно только, так сказать, «в рабочем порядке», для данного аспекта языкознания, и никак не отменяет общепринятого и со всех точек зрения оправданного взгляда на этот вопрос.

Когда будут разработаны новые, применимые к особенностям синтаксиса сравнительно-исторические приемы исследования, сказать трудно; речь идет о создании принципиально новой методики. Развитие языкознания требует, однако, чтобы уже сейчас сравнительно-историческое изучение захватило и синтаксис, без чего немислим всесторонний анализ грамматического строя отдельных языков и языковых семей. Уже и сейчас есть возможность найти какие-то, пусть не самые прямые и эффективные, пусть окольные, пути, ведущие к этой цели. Выдающиеся языковеды прошлого нашли ряд приемов, обеспечивающих известную достоверность сравнительно-исторических выводов и в области синтаксиса. Нельзя не согласиться с тем, что в настоящее время, несмотря на несовершенство этих приемов, «... работники советского языкознания должны испробовать все возможные способы приложения и изошерения их, отобрав из них оправдавшие себя положительными результатами»¹.

Следующая часть статьи и представляет собой попытку подойти к решению этой последней задачи.

Основные направления в сравнительно-историческом изучении синтаксиса индоевропейских языков

При всем своем многообразии, попытки распространить сравнительно-историческое изучение с фонетики и морфологии на синтаксис сводятся к трем основным направлениям, которые можно назвать — по имени их основоположников или наиболее ярких представителей — направлениями А. А. Потебни, Б. Дельбрюка и А. Мейе. Конечно, эта схема, как всякая схема, уже живой действительности², но, охватывая все основные явления в данной области, она дает возможность их обобщить и сделать из них определенные выводы.

1. **Направление А. А. Потебни.** Потебни открыл сам предмет сравнительно-исторического синтаксиса, ибо фактически он первый представил синтаксис как исторически изменчивую, закономерно прогрессирующую величину. В своих изысканиях он пользуется рядом рабочих приемов, из которых по крайней мере один весьма важен для общей методики сравнительно-исторических исследований в области синтаксиса.

Формулируя многие положения своей работы применительно не к тому или иному реальному языку, а к индоевропейскому состоянию, Потебни не мог не видеть того, как мало доказательны обычные сопоставления синтаксических фактов, взятых из разных языков; именно поэтому он не прибегает к подобным сопоставлениям и пользуется другим приемом, прослеживая ту или иную синтаксическую тенденцию на значительном отрезке времени в пределах одного языка (русского) и сопоставляя наиболее значительные моменты ее развития со сходными фактами родственных языков. Объек-

¹ Л. А. Булаховский, Сравнительно-исторический метод и изучение славянских языков в свете высказываний И. В. Сталина, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 255.

² Она не включает, в частности, таких известных работ, как: F r. M i k l o s i c h, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV — Syntax, Wien, 1874 [интересная скорее большим собранием материала и его (впрочем, довольно неудобной) систематизацией, чем оригинальным методом его обработки]; J. W a s k e r n a g e l, Über ein Gesetz der indogerm. Wortstellung, «Indogerm. Forschungen», Bd. I, 1892, стр. 425 и сл. (применяемая в этой работе методика стоит совершенно особняком) и, вероятно, ряда других сочинений.

том сравнения у Потебни становятся, следовательно, уже не отдельные явления, а две определенные синтаксические тенденции, объединяющие целую совокупность явлений.

Так, Потебня усматривает черты исключительной древности в конструкциях типа др.-русск. *церковь Спас, церковь Богородица* и т. п.: «Паратактическое сочетание *церковь Богородица*, представляя сочетаемые вещи равносильными... располагает мысль, стоящую в уровень с таким построением, к смешению признаков сочетаемых вещей»¹. На этом этапе аппозитивное имя, стоящее перед определяемым, тяготеет к слиянию с ним в одно слово и к общему с ним грамматическому оформлению. Более развитыми являются обороты, при которых два имени, стоящие в одном падеже, находятся не в аппозитивно-определятельных, а в аппозитивно-предикативных отношениях и становятся эквивалентом придаточного предложения. Позже такие предикативные именные группы начинают все чаще чередоваться с паратактически присоединяемыми глагольными придаточными. Наконец, «...как безглагольные приложения, так и паратактические глагольные придаточные, по мере усиления гипотактичности и стремления к объединению предложения... равномерно заменяются придаточными предложениями гипотактичными»².

Перед нами четыре этапа единого процесса, прослеженного на древнерусском материале. Для каждого из них привлекаются сравнительные данные из греческого, санскрита, германских языков, латинского, балтийских. Эти данные тоже образуют единую линию развития, и Потебня таким образом приходит к сравнению не отдельных фактов, а определенных закономерностей. Такой метод применяется Потебней не всегда последовательно: иногда факты родственных языков берутся им вне системы, изолированно³, иногда в сравниваемый ряд включаются — на основании лишь внешнего сходства — явления, имеющие иную природу⁴. Вообще можно заметить, что данный прием не стал еще для ученого сознательным методическим принципом; он скорее угадывается в построениях Потебни, чем логически из них выводится.

Тем не менее значение этого приема для общей методики сравнительно-исторических исследований в области синтаксиса очень велико. Благодаря тому, что объектом анализа является общее развитие синтаксической системы одного углубленно исследуемого языка, устраняется случайность в выборе материала для сравнения и его фрагментарность. Поскольку объектом сравнения являются не те или иные факты родственных языков, а определенные целостные тенденции в их синтаксическом развитии, вероятная неточность в соответствии значения одной синтаксической конструкции или формы другой в тот или иной отраженный в памятнике момент перестает быть существенной, ибо учитывается не только данное, но также последующее (а где возможно, и предшествующее) значение формы. Поэтому Потебня, ведя исследование на русском материале, нередко может формулировать положения, касающиеся развития синтаксической системы в индоевропейских языках в целом. Не случайно, что его выводы, — по крайней мере в области развития именных предикативных оборотов, — смогли найти себе подтверждение во многих позднейших работах и оказались действительными для учения о развитии предложения во многих индоевропейских языках, в первую очередь — в древнегреческом, латинском и старых германских языках — готском и древнескандинавском.

Не будучи ясно сформулированным ни в печатных работах Потебни, ни, повидимому, в его лекциях, этот важнейший принцип не получил развития в трудах его учеников и последователей. И А. В. Попов, и Д. Н. Овсянко-Куликовский⁵ прибегают в своих работах к тому сопоставлению отдельных синтаксических явлений, которое, как мы видели выше, чревато столькими опасностями и ошибками.

2. «Морфологический метод» Б. Дельбрюка. В основу методики сравнительно-исторических исследований в области синтаксиса Дельбрюк кладет положение о неразрывной связи в языке синтаксиса с морфологией. Из этого тезиса, однако, он делает самые противоречивые выводы. С одной стороны, Дельбрюк механически распространяет сравнительно-историческую методикку, применимую в морфологии, на область синтаксиса, пытается вывести исконное значение синтаксической конструкции из сравнения засвидетельствованных значений, подобно тому как из сравнения засвидетельствованных морфологических форм выводится форма-архетип⁶. Но в то же время упомянутый тезис интерпретируется Дельбрюком и в том смысле, что методика сравнительно-исторических исследований син-

¹ А. А. Потебня, указ. соч., т. III, Харьков, 1899, стр. 213.

² Там же, стр. 322—323.

³ См., например, А. Потебня, указ. соч., 2-е изд., т. I—II, Харьков, 1888, стр. 535.

⁴ См. там же, т. III, стр. 129.

⁵ См.: А. В. Попов, Синтаксические исследования, I, Воронеж, 1881; Д. Н. Овсянко-Куликовский, Синтаксические наблюдения, ЖМНП—1897, май; 1898, май; 1899, июнь; е го же, Синтаксис русского языка, СПб., [1902].

⁶ Индоевропейские формы «имели известный круг значений, и наша задача заключается в том, чтобы определить его путем сравнения функций этих форм в отдельных языках» (В. Дельбрюк, указ. соч., Teil I, стр. 81).

таксиса представляет собой лишь искомое, ибо приемы, используемые в области морфологии, здесь неприменимы, хотя, вследствие теснейшей связи этих двух сторон языка, давние сравнительно-историческая морфологии могут пролить свет на многие вопросы сравнительно-исторического синтаксиса¹.

На этой противоречивой основе и строится учение Дельбрюка об «исконных значениях» (*Grundbegriffe*), образующее теоретическую базу всех его исследований по сравнительно-историческому синтаксису. Оно было разработано им еще в начале 70-х гг. и изложено наиболее полно в первом томе его «Синтаксических исследований»². Дельбрюк здесь предлагает различать два рода исконых значений: относительные и абсолютные.

Под «относительными искоными значениями» он понимает функции архетипных форм, обнаруженные в результате сравнения значений, засвидетельствованных в древних памятниках. Мы уже видели, что такой прием встречает ряд непреодолимых трудностей, противоречит самой природе сравнительно-исторического метода и не может быть признан научно убедительным. Не случайно, что примеры этой методики, приводимые Дельбрюком, оказываются столь неудачными, что для подкрепления их он прибегает к совсем уж неубедительным психологическим соображениям³. Несмотря на это, именно выявление «относительных исконых значений» представляется Дельбрюку наиболее доказательным и научно перспективным.

Значительно меньшую роль отводит он (по крайней мере, теоретически) «абсолютным исконым значениям». Эти последние устанавливаются путем разложения самой формы на некогда слившиеся в ее составе элементы лексического или грамматического характера. Если известен смысл этих элементов, то становится ясным исконое значение формы или синтаксического сочетания, лежащего в ее основе. Так, форматив **-tero*, служащий для образования сравнительной степени прилагательных, содержится во многих других прилагательных и в положительной степени. Первичным является, следовательно, не его сравнительное значение, а, как показывает семантика слов с этим суффиксом во многих языках, значение противопоставления. Таким образом, сравнительное значение этого суффикса вторично и возникает в результате сужения первоначального значения — контрастного.

Несмотря на сдержанное отношение самого Дельбрюка к этому последнему приему, он сосредоточивает в себе все то наиболее ценное, что сделано данным ученым в области методики сравнительно-исторических исследований по синтаксису. Непосредственная связь анализируемых здесь значений с материальными элементами языка, обнаружение исконой функции данной формы путем разбора ее звукового состава испытанными приемами сравнительно-исторического метода сообщает результатам, полученным таким путем, большую достоверность и доказательность. Самое важное значение методики, о которой сейчас идет речь, заключается в том, что применение ее ограничивает роль основного препятствия, стоящего на пути сравнительно-исторических исследований по синтаксису, — параллельных инноваций.

Метод «абсолютных исконых значений», который мы в дальнейшем будем для простоты называть морфологическим, — создание не столько одного Дельбрюка, сколько всей немецкой лингвистической школы XIX в. Им широко пользовался Ф. Бопп, стремившийся обнаружить в форматах бывшие знаменательные слова и определить таким путем исконое значение форм. Этот метод Боппа получил теоретическое обоснование в книге В. Гумбольдта⁴ и практическое применение в работах Г. Курциуса⁵. В XX в. Г. Гирт, теоретически принимая обе предложенные Дельбрюком методики, практически переносит центр тяжести своих исследований с «относительных исконых значений» на «абсолютные»⁶. В последние годы с большим эффектом воспользовался морфологическим методом А. Жюре⁷.

¹ «В области синтаксиса мы не располагаем еще никаким исчерпывающим методом» (там же, стр. 37). И далее: «Синтаксису предстоит воспользоваться сравнительным методом. Он должен попытаться установить, используя результаты, полученные в области морфологии, какие употребления (данных форм) были присущи уже языку-основе» (там же, стр. 50).

² V. Delbrück, *Der Gebrauch des Conjunctivs und Optativs im Sanskrit und Griechischen*, Halle, 1871, стр. 11—15.

³ См. там же, стр. 13.

⁴ W. von Humboldt, *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues...*, Bd. II, Berlin, 1876, стр. 145.

⁵ См., например, его теорию о происхождении и первоначальном значении индоевропейского конъюнктива (G. Curtius, *Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung*, Leipzig, 1867, стр. 229).

⁶ Он пишет: «Мои общие синтаксические воззрения строятся на анализе форм» (H. Hirt — H. Arntz, *Die Hauptprobleme der indogerm. Sprachwissenschaft*, Halle a. S., 1939, стр. 181—182).

⁷ A. Juret, *Survivances indo-européennes dans la langue latine*, «Revue des études latines», t. XX, fasc. 1—2, 1942 (§ 7).

Морфологический метод Дельбрюка, органически вырастающий из всей практики сравнительного языкознания и давший ряд ценных результатов, является, несмотря на недооценку его самим автором, одним из наиболее эффективных приемов, помогающих преодолеть опасности, связанные с применением сравнительно-исторического метода в области синтаксиса.

3. «Аналогический метод» А. Мейе. Методика А. Мейе в интересующей нас области сводится к тому, что на основе аналогии в синтаксических функциях данной формы или в структуре данного синтаксического оборота в ряде родственных языков делается вывод о наличии такой функции или такого оборота в языке-основе. Эта ориентация на то, что Дельбрюк называл «относительными исконными значениями», характерна для Мейе при решении не всех, но подавляющего большинства синтаксических вопросов. Методика эта и в сравнительном языкознании вообще, а не только в работах Мейе, распространена гораздо шире, чем указанные выше. Иногда ею пользуются как отчетливо формулируемым принципом¹, в других случаях ее применяют как единственно возможный прием, правомерность использования которого даже не нуждается в доказательствах².

Однако, несмотря на такую распространенность, методика эта на основании соображений, изложенных в первой части статьи, никак не может считаться приемлемой. Устанавливаемые на ее основе соответствия, во-первых, могут быть результатом параллельного развития в каждом отдельном языке, во-вторых, могут объединять явления лишь внешне аналогичные. Покажем это на примерах. Так, перечисляя ряд глаголов, могущих употребляться в древних языках как в переходной, так и в непереходной конструкции, Мейе делает вывод о том, что «индоевропейский глагол не является сам по себе ни переходным, ни непереходным, и относящиеся к нему глагольные основы допускают оба этих значения»³. Подобное заключение недостаточно обосновано, ибо значения глаголов, которые приводит Мейе, могли развиваться в каждом языке самостоятельно: в современном французском языке «различие между объектными глаголами и прочими основано не на их природе, а на употреблении»⁴; в еще большей мере это справедливо для румынского языка, однако глагол романского языка-основы (народной латыни, из которой вышли и французский, и румынский) в общем вполне устойчив по переходности. Следуя по тому же пути, Д. Н. Овсянко-Куликовский приводит длинный ряд примеров конструкции «глагол неполного высказывания + причастие» из нескольких древних языков и заключает на этом основании, что такой оборот существовал в языке-основе как первоначальная форма составного сказуемого. Несмотря на то, что глаголы и причастия в его примерах стоят в самых различных формах и обладают, взятые вместе, самым различным грамматическим содержанием, он усматривает во всех этих конструкциях один и тот же оборот, что является весьма спорным⁵. Опровергнуть такие построения, разумеется, невозможно, но так же невозможно их строго обосновать, а следовательно, и опираться на них в дальнейших исследованиях.

О комбинированной методике при сравнительно-исторических исследованиях в области синтаксиса

Анализ основных достижений, полученных в течение последнего столетия в области сравнительно-исторического синтаксиса, обнаруживает, что они возникали там, где охарактеризованная выше методика А. А. Поттеби оказывалась соединенной с «морфологическим методом» В. Дельбрюка. К числу таких достижений можно отнести теорию развития предложения от паратаксиса к гипотаксису, учение о двух родах индоевропейских имен и об их значении, положение об автономном характере слова и о преобладании в связи с этим аппозиции и примыкания над другими средствами синтаксической связи в индоевропейском языке-основе, об исконном значении определенных типов глагольных основ и некоторые другие.

Так, в основе учения о паратактичности индоевропейского предложения лежит, прежде всего, обнаруженная в истории всех индоевропейских языков тенденция к переходу от простых предложений к сложным, что, впрочем, само по себе вполне могло бы объясняться как результат параллельного развития. Однако, с другой сто-

¹ См.: Д. Н. Овсянко-Куликовский, Синтаксические наблюдения, ЖМНП, 1897, май, стр. 137; его же, Синтаксис русского языка, стр. 307—308; F. S o m m e r, Vergleichende Syntax der Schulsprachen, Leipzig — Berlin, 1921 и многие другие работы.

² См.: А. В. Попов, указ. соч.; А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 88, 114, 132.

³ А. Мейе, указ. соч., стр. 213.

⁴ F. V r u o t, La pensée et la langue, Paris, 1922, стр. 341.

⁵ См. Д. Н. Овсянко-Куликовский, Синтаксические наблюдения, ЖМНП, 1897, май, стр. 130—137.

роны, формы служебных слов, служащих в отдельных языках для введения придаточных предложений, не дают совпадений, и, следовательно, слова такого рода отсутствовали в языке-основе. Сопоставляя данные, полученные при анализе тенденций, действующих в области синтаксиса предложения на протяжении всей истории группы родственных языков, с данными, основанными на сравнительно-историческом анализе звукового и морфологического состава слов-связок, мы можем утверждать с очень высокой степенью вероятности, что индоевропейское предложение было паратактичным.

Та же методика лежит в основе решения и других перечисленных выше вопросов. Например, известное и, повидимому, не вызывающее уже сомнений положение о том, что в индоевропейском языке-основе противопоставление глагольных основ имело видовое, а не временное значение, основано на том, что чем дальше проникаем мы вглубь истории латинского, древнегреческого, древнеиндийского языков, тем яснее выступает преобладание вида над временем. Таким образом, положение это строится с учетом длительных тенденций в истории отдельных родственных языков. По-настоящему доказательным, однако, оно становится только с привлечением данных сравнительно-исторической морфологии и фонетики, установившей, что временные показатели глагола в отдельных языках обнаруживают в самой своей форме явные следы вторичного происхождения.

Нет ничего удивительного в том, что именно подобная комбинированная методика дает наилучшие результаты. Мы видели, что применение традиционного сравнительно-исторического метода в синтаксисе встречается три основных препятствия: неточность соответствий, возможность параллельных инноваций, возможность заимствований. Мы видели далее, что если вести исследование на материале одного языка, изучаемого в его историческом развитии, и сопоставлять тенденции, действующие в его синтаксической системе, со столь же длительными, охватывающими ряд фактов закономерностями в эволюции синтаксиса других родственных языков, то отпадает первое из этих препятствий. Мы видели, наконец, что интерпретация фактов синтаксиса, основанная на постоянном учете фонетико-морфологических данных, устраняет второе и третье из этих препятствий. Следовательно, сравнительно-историческое исследование по синтаксису может дать вполне надежные результаты (во всяком случае, несравненно более надежные, чем те, которые основываются на повсеместно распространенном «аналогическом» методе) только тогда, когда оно основано на комбинированном использовании обеих указанных методик.

Постановка вопроса о комбинированной методике ни в какой мере не является «открытием». Речь идет просто об осмыслении тех путей, которыми получены наиболее точные положения сравнительно-исторического синтаксиса. Необходимо, однако, иметь в виду, что применение этой методики в прошлом носило стихийный характер, так что, например, А. Мейе, кое-где фактически пользующийся ею, не говорит о ней ни слова даже там, где речь у него идет специально о вопросах методики¹. Ясно, что стихийное применение комбинированной методики еще не дает возможности широко и последовательно использовать ее в научно-исследовательской практике.

Задача сейчас, повидимому, заключается во всесторонней теоретической разработке и эффективном практическом применении комбинированной методики. Есть данные, указывающие на то, что отдельные советские исследователи работают в этом же направлении и во многом подошли вплотную к решению указанной задачи. Достаточно назвать одну из последних статей А. В. Десницкой² и особенно недавнюю статью М. М. Гухман³. Каждая из этих работ может вызвать возражения и с точки зрения отдельных содержащихся в них положений, и с точки зрения применяемой (или предлагаемой) в них методики. Представляется несомненным, однако, что в обеих из них сравниваются не отдельные синтаксические факты, а целостные синтаксические тенденции, причем данные такого сравнения увязываются с данными морфологии, основываются на них или проверяются ими, что придает общим выводам большую убедительность, чем это обычно бывает в исследованиях по сравнительно-историческому синтаксису.

Комбинированная методика, повидимому, не универсальна: есть области синтаксиса, в которых она мало применима или даже неприменима совсем; вопрос этот подлежит уточнению.

¹ См.: А. Мейе, указ. соч., гл. I — Метод; его же, Сравнительный метод в историческом языкознании, перевод с франц., М., 1954. Не упоминает о ней и Х. Педерсен в своем подробном обзоре достижений сравнительно-исторического языкознания. (См. также Н. Педерсен, *Linguistic science in the nineteenth century*, Cambridge, 1931).

² См. А. В. Десницкая, Из истории развития категории глагольной переходности, сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», [Л.], 1951.

³ См. М. М. Гухман, Родство языков и внутренние законы их развития, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», V.

Выводы

1. Сравнительно-исторический метод предполагает точные соответствия между материальными элементами родственных языков, немотивированный характер этих соответствий, невозможность заимствований или легкость их выявления. Эти три условия соблюдаются в фонетике и морфологии, в результате чего сравнительно-исторический метод приложим к данным сферам языка и дает здесь вполне надежные результаты; они не могут быть строго соблюдены в синтаксисе, в результате чего сравнительно-исторический метод в обычной своей форме к исследованию синтаксиса неприменим.

2. Распространение сравнительно-исторической методик, применяемой в фонетике и морфологии, на область синтаксиса и попытки строить выводы генетического порядка, исходя из совпадения отдельных синтаксических явлений в ряде родственных языков, не дают и не могут дать сколько-нибудь надежных результатов.

3. Сопоставление не изолированных синтаксических фактов, а определенных синтаксических тенденций, действующих на протяжении длительного времени в ряде родственных языков, — один из приемов сравнительно-исторического исследования синтаксиса, применяемых А. А. Потебней, — гарантирует от ошибок, связанных с неполным соответствием между сравниваемыми фактами.

4. Выведение синтаксических значений из анализа фонетических морфологических и этимологических данных, — один из приемов сравнительно-исторического исследования синтаксиса, применяемых Б. Дельбрюком, — гарантирует от ошибок, связанных с наличием параллельных инноваций и возможностью заимствований.

5. Комбинированное использование обоих этих приемов дает возможность избежать препятствий, мешающих применению сравнительно-исторического метода в синтаксисе. Наиболее надежные данные в этой области получены при помощи именно такой комбинированной методики.

6. Комбинированная методика применялась языковедами прошлого стихийно, что мешало широкому и эффективному ее использованию. Теоретическая ее разработка и действенное практическое применение — одна из актуальных задач сравнительно-исторического изучения индоевропейской семьи языков.

Г. С. Кнабе

АВТОХТОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, албанский язык, называясь как-то иначе, употреблялся на Балканах в древности и находился в длительном контакте с латинским языком. При этом преобладавшее в прошлом мнение об иллирийской основе албанского языка в свете имеющихся на сегодня данных кажется мало убедительным. Попрежнему сохраняют силу слова М. В. Сергиевского о том, что «за иллирийское происхождение албанцев может говорить лишь тот факт, что они сейчас находятся на тех местах, где в древности мы знаем иллирийцев»¹. В противоположность этому, многочисленные известные фракийско-албанские параллели² настоятельно говорят о том, что албанский язык представляет собой дальнейшее развитие либо фракийского языка вообще, либо, при значительной его дифференциации, наречия какого-нибудь из фракийских племен или племенных объединений. Наличие у албанского, как и у фракийского, общих характерных особенностей с иллирийским (сюда могут относиться и прототипы современных балканизмов) также не исключено — в этом следовало бы видеть факты как сходства, вызванного длительным взаимодействием этих языков, так и сходства, основанного на более отдаленном родстве³. Все это неоднократно приводило исследователей молдавского и ближайших родственных ему языков к необходимости максимального использования албанского материала. Подробный обзор общих черт балканского языкового союза, а также мнений, возникших в ходе более чем столетней полемики о субстрате балканских языков, дан у К. Сандфелда⁴. Кроме того, анализ балканизмов романских

¹ М. В. Сергиевский, Введение в романское языкознание, М., 1954, стр. 64.

² См.: там же, стр. 62—65; ВЯ, 1955, № 2, стр. 138—143.

³ См. I. Iordan, Dialectele italiene de sud și limba română, «Arhiva», Iași, 1923, № 1, стр. 41.

⁴ К. Sandfeld, Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, Paris, 1930, стр. 124—145.